

Особенности и образ речи офицера в художественно-публицистических источниках русской литературы

Описание образа офицера в творчестве писателей – одна из популярных тем русской литературы. Большинство из них представляют офицера через описание внешности, характера, поступков... В меньшей степени образ офицера характеризуется через его речь. Тем ценнее становится анализ особенностей речи русского офицера по материалам художественно-публицистических источников.

Слово – один из важнейших элементов культуры офицера. Культура русской речи может вызывать положительные (радость, гордость, удовлетворенность результатом труда и т. п.) и отрицательные (страх, гнев, обиду и т.п.) эмоции, в результате меняется и настроение, и работоспособность.

Свои особенности имеет речь офицера перед строем, перед широкой аудиторией; размышления о жизни, о войне и о солдатской доле; письменная речь эпистолярного жанра.

Рассмотрим некоторые примеры речи офицеров в контексте данного исследования.

Самого пристального внимания в художественно-публицистических источниках заслуживает личность русского полководца А.В. Суворова. И не только как знатока военных походов и блистательного командира, но, в первую очередь как своеобразного писателя, имевшего свой особый и неповторимый стиль и язык. Все произведения А.В. Суворова: и мемориальные, и наставления (руководства, приказы), и отдельные специальные трактаты – так или иначе связаны с «деловой» темой и стали выразителем оригинального военного слога эпохи кон. 1700-х гг., только начинавшего формироваться как раз под влиянием личности полководца, рождавшей «меткие и ходячие слова» и вошедшей в память современников искусным мастерством ораторской речи. Таким образом, А.В. Суворова можно отнести к тому поколению русских самородков, которые «зажигали» тысячи людей своим делом. Им стремились подражать. Их речам внимали. И генералиссимус умело пользовался своим уникальным даром, позволяя менять интонацию слога от строго военного, приказного, наставительного (в официальных посланиях и депешах) до почти дружеского, отеческого, доверительного (в разговорах с солдатами его армии). Эта особенность языковой личности А.В. Суворова хорошо выразилась в его «Вахт-параде, или науке побеждать» – емкой энциклопедии военных наук, предназначавшейся для наших солдат и полководцев [6].

Особенности речи А.С. Суворова ярко проявляются и в эпистолярном жанре, когда он пишет о себе, о своем идеале воина, человека.

В своем письме И.А. Бибикову 25 ноября 1771 г. он пишет: «Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключил доброе имя в славе моего Отечества и все успехи относил к его благоденствию. Никогда самолюбие, часто производимое мгновенным порывом, не управляло моими деяниями. Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей... Я унываю в праздной жизни, свойственной тем низким душам, которые живут только для себя, ищут

верховного блага в истомлении и, переходя от утех к утехам, достигают тягостной скуки... Трудлюбивая душа должна всегда заниматься своим ремеслом: частое упражнение её так же оживотворяет, как обыкновенные движения подкрепляют тело» [2, ч. 1, с. 20-21].

Другим примером служит письмо или военное наставление А.В. Суворова своему крестнику Александру Карачаю: «Любезный сын мой, Александр! Как человек военный, вникай в сочинения Вобана, Кегорна, Кураса, Гибнера, будь несколько сведущим в богословии, физике и нравственной философии; внимательно читай Евгения, Тюренна, Комментарии Цезаря, Фридриха II, первые тома Роллена с продолжением и графа Саксонского; знания языков полезно для знакомства с литературой; танцуй, упражняйся в верховой езде и в фехтовании.

Достоинства военные суть: для солдата отвага, для офицера смелость, для генерала доблесть, руководствуемые началами порядка и дисциплины, управляемые бдительностью и предусмотрительностью.

Будь чистосердечен с друзьями твоими, умерен в своих нуждах и бескорыстен в своих поступках; проявляй пламенную ревность к службе своему государю; люби истинную славу; отличай честолюбие от гордости и кичливости; с юных лет приучайся прощать проступки ближнего и никогда не прощай своих собственных; тщательно обучай подчиненных тебе солдат и подавай им пример.

Непрестанное изощрение глазомера сделает тебя великим полководцем. Умей пользоваться местоположением, будь терпеливым в трудах военных; не поддавайся унынию от неудач; предупреждай обстоятельства истинные, сомнительные и ложные; остерегайся неуместной запальчивости.

Храни в памяти имена великих людей и в своих походах и действиях с благоразумием следуй их примеру.

Никогда не презирай своего неприятеля, каков бы он ни был; знай хорошенько его оружие и способы обращения с ним; знай, в чем заключается сила и в чем слабость врага.

Приучайся к неутомимой деятельности; повелевай счастьем, ибо одна минута решает победу; покоряй себе эту минуту с быстротой Цезаря, который столь хорошо умел достигать врасплох своих врагов, даже среди бела дня, обходить их и нападать на них там, где ему было угодно, и тогда, когда угодно; отрезывай у него всякого рода запасы; будь искусным в том, чтобы твои войска никогда не испытывали недостатка в пропитании. Да возвысит тебя бог до геройства знаменитого Карачая!» [2, ч. 2, с. 63-67].

В официальных письменных источниках, созданных А.В. Суворовым, просматривается его забота о солдате. В своем приказе «войскам Кубанского корпуса об улучшении материально-бытового и санитарного состояния» Александр Васильевич 16 мая 1778 г. пишет: «Полковым батальонным и их команд лекарям и подлекарям иметь ежевременное попечение о соблюдении паче здоровья здоровых, всегдашними обзорами в касающемся до них содержания каждого вообще, до их пищи и питья.

Наблюдать весьма чистоту в белье, неленостным вымыванием оною. Строго остерегаться вредного изнурения, по тем паче к трудолюбию приучать, убегая крайне праздностей, в противном случае господин лекарь представляет тот час господину эскадронному или ротному командиру...» [9, с. 58-59].

Интересным примером речи-воззвания, обращения к воинам звучат слова гетмана Б.М. Хмельницкого, приведенные в книге В.А. Землинского, как в литературно-публицистическом источнике: «Братья и молодцы славного Войска Запорожского! Настал час, поднимите оружие и щипы веры! Не бойтесь и не устрашайтесь ляцкой силы гордой и не бойтесь никакого их свирепства, ни их страшилищ из кож леопардовых и перьев страусовых устроенных. Вспомните прежде бывших украинских воинов, которые мужеством своим многие страны воевали и устрашали. А вы, того ж берега дети, храбрых отцов сыны, явите свою природную храбрость против наступающих на вас неприятелей. Вам у бога причтется вечная слава!» [3, с. 103].

Торжественная патетика патриотизма в его речи показана и в таких словах: «Братья, рыцари, молодцы! Пусть будет вам ведомо, что взяли мы за сабли не ради славы и добычи, а ради обороны жизни, жен и детей. Лях отняли к нас честь, вольность, веру – все это в благодарность за то, что мы проливали кровь, обороняя и расширяя Польское королевство! Так что же, нам оставаться невольниками на собственной земле своей?

– Не будет этого! Одна мать – Украина – родила нас! Постоим за нее и за весь наш народ!» [3, с. 100].

Интересный ход мысли писателя представляют собой рассуждения от первого лица. Так А.С. Новиков-Прибой в романе «Цусима» свои мысли о войне и победе, о роли адмирала З.П. Рожественского вкладывает в сознание своего персонажа – морского офицера.

«Я смотрел на него и думал, – пишет Алексей Силович: «Верит ли он сам в нашу победу? Ведь на Дальнем Востоке мы уже не мало просадили в этой страшной игре человеческими жизнями. Может быть, коронованный повелитель сам не понимает того, что, посылая вторую эскадру, он бросает на кон последнюю ставку? Или он надеется, что командующий эскадрой спасёт Россию от дальнейшего банкротства? ...» [7, с. 43].

Писатель воспринимает личность своего персонажа непосредственно и, говоря за него, вкладывает в речь офицера искренность.

Описывая действия Ферзена, А.С. Новиков-Прибой пишет, что он «приказал на скорую руку собрать офицеров и команду» и громко отчеканивал: «Господа офицеры, а также и вы, братцы-матросы! Послушайте меня. Я решил прорваться, пока японские суда не преградили нам путь. У противника нет ни одного корабля, который сравнился бы в быстроходности с нашим крейсером. Попробуем! Если не удастся уйти от врага, то лучше погибнуть с честью в бою, чем позорно сдаваться в плен. Как вы на это смотрите?» [7, с. 423-424].

Точно также автор говорит о другом офицере, командире судна Рихтере. О нем А.С. Новиков-Прибой пишет, что тот довольный преданностью своей команды, приложил ладонь левой руки к сердцу и взволнованно обратился к матросам: «Братцы, я никогда не забуду вас. Поход на Дальний Восток и вчерашний бой сроднили нас навеки. Считайте меня навсегда своим другом. Вернемся на родину, и я за боевые заслуги представлю вас к награде» [7, с. 672].

Особо торжественно звучит обращение офицера: «Кочегары и машинисты! От вас зависит наше спасение. Я надеюсь, что судно разовьет предельный ход ...» [7, с. 424].

Непревзойденным мастером передачи образа офицера через его речь является Л.Н. Толстой. Им выведено несколько таких офицерских образов в знаменитом романе-эпопее «Война и мир».

Сам Л.Н. Толстой писал: «Когда я пишу историческое, я люблю быть до малейших подробностей верным действительности» [5]. Герои Толстого – люди со сложным душевным миром. В раскрытии таких характеров он прибегает к разным приемам: к прямой характеристике от автора, к автохарактеристике героя, к внутренним диалогам и размышлениям и т.п. Речь героев романа «Война и мир», как и описание исторических событий, у него всегда верна действительности.

Одним из самых ярких и насыщенных образов у Толстого стал фельдмаршал М.И. Кутузов. Его речь разнообразна по своему лексическому составу и синтаксическому построению предложений. Он прекрасно владеет великосветской речью, когда говорит или пишет царю, генералам и другим представителям аристократического общества. «Я говорю только одно, генерал, – говорит Кутузов с приятным изяществом выражений и интонаций, заставлявшим вслушиваться в каждое неторопливо сказанное слово. – Я только одно говорю, генерал, что ежели бы дело зависело от моего личного желания, то воля его величества императора Франца давно бы была исполнена». Но он великолепно владеет и простым народным языком. «А вот что, братцы. Я знаю, трудно нам, да что же делать! Потерпите: не долго осталось... Выпроводим гостей, отдохнём тогда», – говорил он солдатам, встретив их по дороге от Красного к Доброму. В письме к старику Болконскому он обнаруживает архаические черты канцелярского стиля этой эпохи: «Себя и вас надеждой льщу, что сын ваш жив, ибо в противном случае в числе найденных на поле сражения офицеров, о коих список мне подав через парламентёров, и он бы поименован был» [4, с. 281]. Речь Кутузова богата самыми разнообразными интонациями – от официально-торжественной до фамильярно-бытовой.

Кутузов у Толстого – носитель народного духа и народный воин, он глубоко и верно понимал ход вещей, в самом разгаре событий давал им правильную оценку, подтверждающуюся впоследствии. Так, он правильно оценил значение Бородинского сражения, сказав, что это – победа.

Бородинское сражение – это центр романа, его кульминация; решающий момент в жизни всей страны и многих героев книги. Как только Кутузов принял командование над армиями, он вспоминает о своем офицере князе Андрее и посылает ему приказ прибыть в главную квартиру в Царево-Займище. Князь Андрей приезжает в тот момент, когда идет смотр войск Кутузовым перед сражением. После смотра Кутузов отправляется в главную квартиру, где, закончив подпись последних бумаг, приглашает к себе князя Андрея для важного разговора. «Умное, доброе и вместе с тем тонко-насмешливое выражение светилось на пухлом лице Кутузова» [10]. Может быть, нам покажется странным, но князь с глубочайшим сожалением отказывается от предложения Кутузова. «Благодарю вашу светлость... я привык к полку, полюбил офицеров, и люди меня, кажется, полюбили. Мне бы жалко оставить полк...» Кутузов с сожалением сказал: «Жалею, ты бы нужен был: но ты прав, ты прав...»; «Иди с Богом своей дорогой. Я знаю, твоя дорога – это дорога чести» [10].

Один страшный вопрос мучил Кутузова: «Неужели это я допустил до Москвы Наполеона, и когда же я это сделал? Когда это решилось? Неужели вчера, когда я послал к Платову отступить, или третьего дня вечером, когда я задремал и приказал Бенигсену распорядиться? Или еще прежде?... но когда, когда же решилось это страшное дело? Москва должна быть оставлена. Войска должны отступить, и надо отдать это приказание». Отдать это страшное приказание казалось ему одно и то же, что отказаться от командования армией.

Еще один образ русского офицера, выписанный Л.Н. Толстым, – Андрей Болконский – богато одаренная натура. У него незаурядный ум, отличающийся склонностью к серьезной, глубокой работе мысли и самоанализу. Князь Андрей – человек сильной воли, активная, творческая натура, он стремится к широкой общественной и государственной деятельности. Он честен, и стремление к славе сочетается у него с жадой бескорыстного подвига. Опасность, которая нависла над страной, преобразила князя Андрея [8]. Его патриотизм четко сформулирован в словах, сказанных накануне Бородина: «Говорят же, что война подобна шахматной игре» говорит Пьер Безухов. Князь Андрей отвечает: «Да... Только с тою маленькою разницей, что в шахматах над каждым шагом ты можешь думать сколько угодно, что ты там вне условий времени, и еще с той разницей, что конь всегда сильнее пешки и две пешки всегда сильнее одной, а на войне один батальон иногда сильнее дивизии, а иногда слабее роты. Относительная сила войск никому не может быть известна. Ежели бы что зависело от распоряжений штабов, то я бы был там и делал бы распоряжения, а вместо того я имею честь служить здесь, в полку, вот с этими господами, и считаю, что от нас действительно будет зависеть завтрашний день, а не от них... Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни от числа; а уж меньше всего от позиции.

Сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть. От чего мы под Аустерлицем проиграли сражение? У нас потеря была почти равная с французами, но мы сказали себе очень рано, что мы проиграли сражение, - и проиграли. А сказали мы это потому, что нам там незачем было драться: поскорее хотелось уйти с поля сражения. «Проиграли – ну так бежать!» - мы и побежали. Ежели бы до вечера мы не говорили этого, бог знает что бы было. А завтра мы этого не скажем. Ты говоришь: наша позиция, левый фланг слаб, правый фланг растянут, - Все это вздор, ничего этого нет. А что нам предстоит завтра? Сто миллионов самых разнообразных случайностей, которые будут решаться мгновенно тем, что побежали или побегут они или наши, что убьют того, убьют другого; а то, что делается теперь, – все это забава. Дело в том, что те, с кем ты ездил по позиции, не только не содействуют общему ходу дел, но мешают ему...

Что бы я сделал, ежели бы имел власть? Я не брал бы пленных. Что такое пленные? Это рыцарство. Французы разорили мой дом и идут разорить Москву, и оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники все, по моим понятиям. И так же думает Тимохин и вся армия. Надо их казнить. Ежели они враги мои, то не могут быть друзьями, как бы они там ни разговаривали в Тильзите... Ежели бы не было великодушничанья на войне, то мы шли бы только тогда, когда стоит идти на верную смерть, как теперь. Тогда не было бы войны... А ежели война как теперь, так война. И тогда интенсивность войск была бы не та, как теперь. Война не любезность, а самое гадкое дело в

жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость. Все в этом: откинуть ложь, и война так война, а не игрушка. ... Цель войны – убийство, орудия войны – шпионство, измена и поощрение ее, разорение жителей, ограбление их или воровство для довольствия армии; обман и ложь» [10].

Умение раскрыть образ офицера через описание его речи характерно и для многих писателей советской эпохи.

Г. Байдуков в книге «Чкалов» приводит речь легендарного летчика от первого лица перед американской публикой. Автор пишет, что Валерий Чкалов говорил страстно, захватывающе, проникновенно. Каждая его фраза вызвала восторг аудитории: «Советский Союз идет вперед от победы к победе. Наш полет принадлежит целиком рабочему классу всего мира. Мы, три летчика, вышедшие из рабочего класса, можем творить и работать только для трудящихся. Мы преодолели все затруднения во время арктического перелета, чтобы передать приветствие американскому народу... Мы твердо знаем, что время работает на нас и Родина наша перегонит Америку во всех областях!... Ни стремление к наживе, ни честолюбие и тщеславие побуждает советских людей к героическим подвигам. Народ, уничтоживший эксплуатацию и построивший социализм, движимый чувствами, выше и благороднее которых нет у человека. Любовь к Советской Родине - матери, преданность идеям коммунизма, стремление к общечеловеческому счастью – вот что делает наш народ непобедимым!» [1, с. 256]. После речи Чкалова творилось что-то невероятное. Речь Героя Советского Союза вызвала взрыв бурного энтузиазма.

Как становится понятно отечественные писатели, авторы художественно-публицистических источников зачастую обращались и обращаются в описании образа русского офицера к анализу особенностей его речи: приемов, стилистики, выразительности. Через речевую характеристику образ героя становится более выразительным, живым. Вместе с тем, зачастую авторы в сознание своего героя вкладывают собственные эмоции, что, впрочем не скрадывает, а, наоборот, усиливает восприятие речи персонажа читателем.

Список использованных источников.

1. Байдуков Г.Ф. Чкалов. Изд. 2-е, доп. – М.: Молодая гвардия, 1977.
2. Жизнь Суворова, им самим описанная, или Собрание писем и сочинений его, изданных с примечаниями Сергеем Глинкою, ч. 1-2; 2 изд. – М., 1812.
3. Землинский, В.А. Богдан Хмельницкий. – М.: Мол. гвардия, 1989.
4. Зерчанинов А.А., Райхин Д.Я. Русская литература. Изд. 24. – М.: Просвещение, 1966.
5. Малькова М. Язык произведений Л.Н. Толстого // Филолог. – 2009. – № 9.
6. Никитин, О.В. О языке и стиле «деловой прозы» А.В. Суворова в связи с развитием русского литературного языка второй половины XVIII века // ФИЛОЛОГОС. – 2009. – №5.
7. Новиков-Прибой А.С. Цусима: (роман). Кн. 1 и 2. – Ташкент: Узбекистан, 1984.
8. Сливицкая О.В. «Война и мир» Л.Н.Толстого: Проблемы человеческого общения [Текст] / О.В. Сливицкая. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1988.

9. Суворов А.В. Документы, т. II / под ред. Г.П. Мещерякова. – М.: Военное изд-во Военного министерства Союза ССР, 1951.

10. Толстой Л.Н. Война и мир: Т. 3, ч. 2 / Л.Н. Толстой. Собр. соч. в 8 т. – М.: Лексика, 1996.